

Олегу Волкову – 95

Мит. паз. – 1995. – 25 янв. – С. 6.

Редакция "ЛГ", сердечно поздравляя Олега Васильевича с этой датой, публикует речь президента Русского ПЕН-центра Андрея Битова (с небольшими сокращениями), произнесенную при вручении О.В.Волкову Специальной Пушкинской премии фонда Альфреда Тепфера.

У Олега Васильевича есть очаровательное эссе "Мои любимцы – пойнтеры", и начинается оно так: "Не будь у этого пса необычной клички – его звали Банзай, – я не мог бы так верно отнестись к воспоминаниям о нем к первым годам века, когда где-то, сказочно далеко, на Востоке, шла война и в тихой русской провинции вражеским боевым кличем окрестили охотничью собаку".

Продолжается оно так: "И однажды, в начале двадцатых годов, я уехал из своих родных мест, оставив Рекса в добрых охотничьих руках, полагая скоро вернуться. Я не подозревал, что расстанусь с деревней и полевыми утешными досугами на долгих три десятилетия..."

Лишь во второй половине пятидесятых годов довелось мне возвратиться к увлекательным хлопотам об охоте. Несмотря на неизбежную цензуру в этой фразе, трудно недооценить чувство собственного достоинства, которым она преисполнена: Олег Васильевич был арестован в феврале 1927 года и освобожден летом 1956-го.

Ровесник века... как писатель Олег Васильевич мой ровесник: начал в 1956-м. Реабилитация.. мир зачитывался в тот год "Лолитой"

Мы познакомились летом 1977-го. Невозможно было не залюбоваться красотой и молодостью этого человека. Разговор, среди прочего, коснулся Набокова, его недавней кончины... "Набоков? – восторженно воскликнул Олег Васильевич – умер?... Мы же учились в одном классе в Тенишевском училище! Часто играли вместе в теннис. В теннис он играл хорошо..."

Велика Россия-матушка, да жить в ней тесно...

У Олега Васильевича шесть реабилитаций по шести приговорам. Профессиональный переводчик, охотник и каторжанин стал полномочным представителем нравственной традиции русской культуры в советской системе. Его эссеистика касалась всех аспектов трагедии послереволюционной России; особенно сильно звучал его голос в защиту нашей природы: лесов, рек, озер, исторических памятников. И в это же время он писал главную книгу своей жизни "Погружение во тьму", без тени надежды напечатать ее на родине при жизни – книгу такой пронзительной боли, чистоты и силы, что она по праву встает в тот же ряд, что и "Колымские рас-

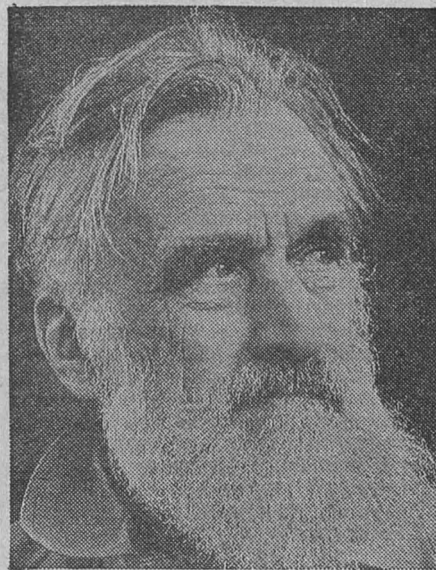

Фото Вл.БОГДАНОВА

сказы" Варлама Шаламова, и "Архипелаг Гулаг" Александра Солженицына.

Но в отличие от этих книг "Погружение во тьму" несет в себе необходимые черты романа. Потому что у книги есть герой. И мы читаем, наконец, не о страданиях людей, а о самостоянии человека. То, что не

удалось всей советской литературе, несмотря на все призывы и требования социалистического реализма, – образ положительного героя – получилось, в результате, у "врага народа".

Эта книга – своего рода "Новый Робинзон". Робинзон ведь тоже узник. Но там приговор вынесен судьбой и стихией. У Достоевского в "Записках из мертвого дома" вы найдете и ссылки на Робинзона, и опыт новой робинзонады. Острог и остров оказались странно созвучны: необитаемы. Приговор герою Достоевского вынесен уже только судьбой. Как дворянин и интеллигент он одинок среди каторжан. Магелланова честь открытия системы островов – Архипелага – принадлежит Солженицыну. Здесь приговор выносит не стихия, не судьба, даже не человек – система. Перенаселенный, архипелаг этот наиболее необитаем для человека.

Границы человеческого сочувствия ограничены возможностью спасти и помочь или хотя бы пожалеть. Наша черствость равна нашей честности тогда, когда мы ничего не можем сделать. В масштабах Гулага сочувствие невозможно. Это ужас и страх, а не чувство. Безразмерность. Империи не измерить человеком.

Но только человеком и можно. Другой великий прототип (для русских – брат Робинзона) – Гулливер – измерил человечество своею относительностью: великан среди лилипутов и лилипут среди великанов, – и это оказались параметры европейской цивилизации.

Робинзон Гулага и Гулливер в Стране

Советов – вот кто герой романа-мемуара Олега Волкова. Ваше сознание не способно вместить в себя трагедию миллионов иначе, чем трагедию одного человека. И если мы чего-то не испытали на собственной шкуре, то такую возможность нам предоставит только великая литература. Когда вы читаете роман Волкова и следуете за его героем, этап за этапом: дворянская республика в Соловках, вторые Соловки, уже без дворянской республики, затем вся система последующих лагерей, по шести приговорам... когда вы проходите всю историю Гулага с одним человеком, вы не только ужаснетесь, но и испытаете это. Вы не поверите, что выдержали бы это. Подвиг духа... "Вы знаете, – сказал мне как-то Олег Васильевич (наверно, мы обсуждали проблему сквернословия в России в связи с новыми возможностями гласности), – иногда мне кажется, что я сумел выдержать все это потому, что ни разу не позволил себе крепко выругаться" Подвиг духа – да... но и подвиг – тела!

Олег Васильевич был одарен от природы и этой ипостасью. Как часто, отдавая дань красоте, мы, скорее всего от зависти, называем ее **внешностью**, автоматически отказывая тому, что внутри, в элементарном наличии. То же самое и в великой биографии и судьбе: они заслоняют нам в человеке подлинные дела его.

Дела писателя – это его книги. Мне кажется, что Олег Васильевич недостаточно признан или узан как художник именно по этим причинам. Наша оценка как-то сжимается от полноты и непосредственности

признания по параметрам внешним: красив, благороден, аристократичен, честен, изъясняется на трех языках, отсидел три десятилетия – все то, какими мы не были и не будем, сказывается в робости и рабскости такого признания... нам будет много, если он еще и художник: быть художником мы оставляем себе.

Между тем, достоинство – вещь не внешняя и потому наблюдается во всем. Необыкновенно достоинство речи Олега Васильевича как устной, так и письменной. Вся жизнь пребывая в стихии советской речи, даже борясь с советскими словами, даже избегая их, мы не заметим, что давно уже смирились с ее звуком. Как насторожит вдруг запись Шалапова: не только великий певец, но и – произнесение слов: мы не так говорим. Те же слова – не так. Но если мы их произносим не так, то как мы их пишем?..

Олег Васильевич – едва ли не последний русский писатель, умеющий выговаривать русское слово старинно, сообщая нам о нашей действительности. Оттого его проза вся насыщена оценкой современности и без назидания. Становится неловко и стыдно. Мы сетуем на отсутствие в нашей литературе описаний природы, сравнимых с образцами, данными нашей классической литературой. Между тем не только талантом следует сравняться с Тургеневым, а знанием и чувством языка и природы в их нерасторжимой связи. Олег Васильевич наследовал и не утратил именно эту способность. Как у него наступает утро, как выбегают собаки! Никто уже, кроме него, не найдет таких слов. Это – искусство!